

О. М. Фрейденберг

К изучению источников Энгельса. Баховен¹

Предисловие, публикация и примечания
Н. В. Брагинской

Швейцарский историк римского права Иоганн Якоб Бахофен (1815-1887), современник, почти сверстник Дарвина и Маркса, старший современник Ницше, породил немало идей, но вошел в историю идеей матриархата. В этом качестве он включен в бесчисленные учебники, справочники и энциклопедии, чтобы быть повсеместно опровергнутым как автор устарелой и списанной со счетов теории развития человечества по нескольким стадиям:

- 1) теллурическая,
- 2) лунарная и
- 3) соляная,

которым соответствует

- 1) господство женщины до института брака, государства и развития земледелия,
- 2) брак, земледелие и оседлость,
- 3) отцовское право, разделение труда и частная собственность.

Критиковать теорию развития общества по Бахофену начали уже в конце XIX в. Ни у одного из племен, находящихся на самой, казалось бы, низкой ступени развития, антропологи не могли обнаружить ни полного промискуитета (Бахофен называл эту стадию также «гетеризмом»), ни пресловутого ма-

триархата, даже при матрилинейной системе родства. Но философия истории Бахофена не могла быть подкреплена полевыми исследованиями и создавалась она не в рамках антропологии. Как историк права Бахофен исходил не из наблюдаемых явлений, но из повсеместно существующей репрессивной регуляции отношений полов, разработанных табу и законов, карающих инцест, внебрачное материнство, ущемляющих права бастардов и т. д. Специальность Бахофена, которая помогла ему понять, что в истории юридических понятий скрыты глубокие изменения представлений о мире, богах, обществе и человеке, эта же специальность привела его к формулировке «материнского права» и описанию принципов первоначальной социальной организации как низкого уровня этой организации. Между тем, материалом Бахофена служили язык, архитектура, мифология, искусство, религия, словесность, а не экономические условия, судебная практика, демографические параметры и так далее. Он занимался философией истории и философией культуры, и главным для него было не то, что происходило, не «объективные факты», но их осмысление и восприятие, человеческие чувства, мысли, символы и мифы, «внутренняя жизнь», которая определялась, по его утверждению, религиозной природой человека. Можно было бы поэтому и вступить за Бахофена, и даже не потому, что современные «примитивные» народы не тождественны первобытному состоянию человечества, а потому, что открытые им стадии «развития человечества» представляют собою стадию в истории сознания, в которой присутствует семантический «материнитет» или «феминитет», хотя он и не может быть строго привязан к матриархату как социальному строю. Великие богини и героини эпоса могли не иметь социального соответствия в том мире, где поклонялись этим богиням и исполняли эпос. Мифология, религия, эпос – хранят коллективную память о земле как матери, возлюбленной и кормилице. И хотя коллективная память, как и индивидуальная, не фиксирует точных фактов, однако, произвольный вымысел для нее даже менее вероятен, нежели для индивидуальной. «Женские» и прочие символы (Grundanschauungen, Grundgedanken), в которых выражал себя первобытный человек, разворачиваются затем в миф, формально отличное от символа повествование, а на следующей стадии мифы получают выражение на рациональном языке и становятся науками. Так считал Бахофен, и ему стоило бы додумать свою мысль до конца, обратить ее на себя и сказать, что его теория как раз и выражает на рациональном языке в форме социологического, юридического, историософского дискурса древнейший символ рождающего лона.

Если факты не подтверждают философию истории, то, как известно, тем хуже для фактов. В случае с Бахофеном можно удивляться скорее тому, как мало фактов, на которые могли бы опереться его интуиции, было известно науке в середине XIX века. Неолитические Венеры и те еще не были извлечены археологами на свет.

Дежурное упоминание и дежурное развенчание устаревшего философа заслоняет все прочее в этом мыслителе, что он высказал тоже впервые, но что закрепилось в традиции как идеи, концепты и суждения других. Ницше ни разу не упомянул его имени, но «дионисийское» и «аполлонийское» начала он позаимствовал для своего «Рождения трагедии» у Бахофена (возможно, через Бурхардта). Бинарные оппозиции – его инструмент, коллективное бессознательное – область его интуиций, творческий инстинкт, созидающий культуру – его упование. Бахофен романтически описывал первобытное прошлое как гармоническое единство человека с природой и божественным началом, и в то же время считал историю не деградацией, а прогрессом и освобождением из уз естественной необходимости. Движет историей религиозное начало, которое непременно развивается и развивается закономерно.

Можно обнаружить много общего у Фрейденберг и Бахофена. Но она ничего у него не позаимствовала, так как познакомилась с его трудами, когда большая часть ее книг уже была написана. Фрейденберг жалела в своих воспоминаниях о студенческих годах «об одном, что не знала гениального Бахофена. Но, может быть, это к лучшему. Ведь этот ум исчерпал все, ничего не оставив для потомства. Есть какая-то великая тайна в его безвестности. Так неведомо и мирозданье. Кто стал бы открывать распахнутые двери?» (архив). В судьбе его наследия она по-видимому видела сходство с собственной судьбой: непризнанность в той профессиональной среде, которой прежде всего адресован труд и его результаты.

В своих послевоенных мемуарных записках О. М. Фрейденберг упоминала:

В июле² я принесла «Символику могил» Бахофена. Она оказалась с пометками Хоны³. Эта книга поразила меня своей глубокой гениальностью. Я вспомнила слова Хоны: «Мы могли не писать своих работ. Все, что может быть и могло быть сказано, все уже есть у Бахофена». Да, он предвосхитил всю будущую науку. И что значит гений, как легко он дает себя увидеть. Не есть ли извечная черта гения - совершенное самораскрытие. Он виден, как пластика. Язык Бахофена - он один сигнал гениальности. Сжатый, пружинный, сильный, абсолютно значимый. Это крепкое вино без примеси воды.

Бахофен, которого классики до сих пор не знают, даже зрудиты; замалчанный Бахофен; какое это мировое горе! Или величайшее утешенье? Можно замалчивать или не читать столетиями; автор может истлеть, не дождавшись радости ученого; и все же книга живет вместо него, а у нее терпение вне времени. И настает день. Книгу читают. Она побеждает время и людей. Она потрясает, свежая и молодая.

Но если не печатают... С чем умереть? Жизнь становится невозможной. Как выразить словами «удушенье»? Человеку дают в зубы, чтоб оглушить

его; бьют по черепу; пальцами держат горло. Забей мысль! Не думай! Не высказывай!

В застенке НКВД бьют профессоров по черепу. У Шурки Розенберга, мужа Розы⁴, эпилептические тяжелые припадки, потому что у него трещина в черепе. Его там били.

Но всех нас, на (так называемой) «свободе» бьют психически, стараясь забить насмерть нашу мысль.

Сколько мне хотелось сказать о Бахофене! Следовало бы написать о нем книгу. Но, куда ни оглянись, нет печати. Решительно ни одного взгляда высказать нельзя.

Я начала, было, писать, но с отчаянья бросила. Если работать в катакомбах, то нужно спешить с тем, что недоделано.

Да простит мне Бахофен! Я торопилась продумать свои мысли о лирике (архив).

Действительно, в это время была написана монография о Сафо и статья о происхождении лирики. Фрейденберг делает несколько докладов по фрагментам Сафо. От попытки писать книгу осталось небольшая, датируемая 1947 г., статья со странным названием «К изучению источников Энгельса. Бахофен». За десять послевоенных лет О. М. Фрейденберг смогла напечатать три статьи и 5 тезисов по 2-3 странички. Все эти издания не выходили за пределы университетских и представляли собой экстракты и крайне сжатые изложения больших трудов, оставшихся ненапечатанными. Попытка привязать Бахофена к Энгельсу, конечно, напоминает советский анекдот о превращении памятника Пушкину в памятник Сталину, читающему Пушкина. При нарастающей в СССР подозрительности к «европейским буржуазным ученым» Фрейденберг использует Энгельса как прикрытие, чтобы воздать хвалу мистика и идеалисту.

Бахофен все-таки получил признание, пусть и не в своем цеху, а у антропологов. Д. Ф. Макленнан, начавший заниматься предисторией семьи, знаменитый путешественник и президент Берлинского антропологического общества А. Бастиан и исследователь ирокезов Л. Г. Морган высоко ценили Бахофена, писали о нем и ему. Энгельс (в «Происхождении семьи») вписал в коммунистический проект, относящийся к первоначальной стадии развития общества, «гетеризм» Бахофена. Ассоциация с коммунистическими идеями (общность жен) вызывала известную изоляцию ученого в антимарксистской среде, а тем временем в антропологии стала все более ставиться под сомнение мысль о едином пути развития всего человечества.

Заново Бахофен был востребован не историками античности, а художниками, психологами и писателями, группировавшимися в начале 1920-х гг. вокруг поэта Стефана Георге. Так называемых творческих людей привлекала в Бахофене готовность постигать мифы и символы, обращаясь не к интеллекту-

альному рассуждению, а к работе собственной интуиции и воображения, готовность идти «царским путем» в науке.

В 1920-е гг. наука о древности в Германии снимала урожай с десятилетий позитивного труда и позволяла себе свободу, с которой ей предстояло скоро проститься, и которая, похоже, уже больше не возвратилась в главную страну античной древности. В 1920-х о Бахофене было опубликовано несколько монографий⁵. В 1925 г. «Опыт могильной символики древних» был перепечатан, в 1926 г. Рудольф Маркс издал в Штутгарте сборник работ по материнскому праву и первоначальной религии. После войны известный исследователь мифа Карл Кереньи связывал Бахофена с наследием гуманизма⁶. В 1943-1966 гг. вышло 8 томов собрания сочинений Бахофена. В 1967 в серии Bollington Foundation книга, изданная Рудольфом Марксом, была переведена на английский язык⁷. Фрагменты его текстов помещаются в хрестоматии по антропологии, но в науке о древности он почти забыт.

В русской науке, еще до того, как она должна была следовать высокой оценке Бахофена Энгельсом *ex officio*, этот автор был читаем и почитаем. М. О. Косвен напечатал в 1946 г. статью «И. Я. Бахофен и русская наука»⁸. Выдержанная в стилистике послевоенной гордости отечественными достижениями, она вместе с тем показывает, что в России, особенно в 1870-1880-е годы, Бахофен имел больше читателей, популяризаторов, адептов и серьезных критиков, чем в странах Европы того же периода. Конечно, это были не филологи-классики, а историки, часто публицисты, привязывавшие материнское право к актуальному «женскому вопросу», и этнографы, занимавшиеся первобытностью. Среди них такие известные имена, как Н. К. Михаловский и М. М. Ковалевский. Вместе с тем излагал почти все труды Бахофена и применял его идеи и взгляды филолог и историк литературы Ф. И. Буслаев, причем он опирался не только на «Материнское право», но и на «Предание о Танаквиле». В. Ф. Миллер при анализе древнеиндийской мифологии обращается к Бахофену, как, впрочем, и к Моргану, Мак Леннану и др., а В. В. Ефимов выделяет допатриархальный период в истории римской семьи и римского общества⁹. Это была одна из первых работ на античном материале, которая развивала идеи Бахофена. Основательная и по-своему добросовестная работа М. И. Косвена ясно показывает, что попытки О. М. Фрейденберг воспользоваться злобой дня (Энгельсом), чтобы напечатать статью о Бахофене, были полностью бесперспективны. Она писала о гениальности своего героя, а «надо» было писать о его прогрессивности.

Н. В. Брагинская

* * *

В «Происхождении семьи» Энгельс называет Бахофена гениальным мистиком¹⁰. В до-фашистской Германии мистики, действительно, пытались возродить «своего» Бахофена (см. превосходно изданную И. Н. Винниковым книгу «Из архива Моргана», 1935, стр. 150 сл.). Тем необходимее подойти к Бахофену, как к источнику Энгельса, который считает, что теория материнского права была для науки подлинной революцией¹¹.

Я хочу обратить внимание на то, что Бахофен имеет свою обусловленность не только в этнографии, но и в классической филологии, — а, между тем, классики игнорировали его гениальные труды и почти никогда не цитировали. О Бахофене-классике я и собираюсь сказать несколько слов. Я имею в виду один его филологический труд, «Опыт по могильной символике древних». Изданный в 1859 г.¹², этот труд указывает на пути, которыми пришёл Бахофен-классик к теории материнского права, сформулированной в 1861 г.¹³. Вне истории классической филологии Бахофен не может быть понят.

В первые десятилетия XIX в. классики занимались в области изучения религии так наз. «символикой», которая возникла в русле немецкой романтической филологии. Самым видным её представителем был Крейцер, автор «Символики и мифологии древних народов, преимущественно греков», 1810¹⁴, в пяти томах. Туманная и таинственная, написанная тёмным, многозначительным, но вялым языком, эта книга сыграла огромную роль и главенствовала в науке, пока в 1829 г. не была разбита рационалистом Лобеком в его исследовании древнегреческих мистерий, «Аглаофамусе»¹⁵. Ультра-идеалисты и мистики, классики типа Крейцера видели в «символах» непосредственное откровение, источник сверхчувственных познаний, боговдохновение, которым когда-то владели Орфей и другие (чисто-мифические!) «великие учителя» человечества, основатели мистерий. Сущность символа открывается интуицией непосредственно. Для дискурсивно мыслящей толпы символы могут быть раскрыты или в мистериальных «показах» священных действий, или в мифах. Миф есть истолкование символа. То, что символ содержит в себе целостно, то миф разлагает на ряд внешне связанных мотивов, и эта внешняя увязка заменяет целостность интуитивного познания. Высшая мысль, заключённая в символе, получает еще большую глубину в тёмной и загадочной форме мифического изложения. Но речевая форма мифа ограничивает высшее значение символа. Слова делают бесконечное конечным, а символ будит предчувствие и уводит за пределы конечного и становящегося в мир бесконечного и сущего.

Вся идейная платформа этих общих тезисов взята от романтиков. На одном её конце – учения о символах поздней античности, в котором платонизм помножен на восточную мистику и Плотина. На другом конце учение о символике официальной церкви. В сложном контексте древней мистики, философского идеализма и церковных догматических верований возникает «символика», как наука о тайных смыслах древнего мира. Эта наука рассматривает себя в виде истории религии, которая одновременно является и философией.

Баховен-классик начал отсюда. Он пошёл в сторону от рационализма Лобека и точного анализа текстологической и антикварно-грамматической школ. Его влекло к широким обобщениям и к анти-формальному анализу. Он начинает изучать «язык могил», – так как саркофаги должны, по его мысли, концентрировать наиболее глубокие образы о вечности и смерти, – и вскрывает самые древние символы. Так он, специалист по римскому праву, профессор в Базеле, юрист, член суда, приступает к вопросам археологии и античной мифологии и в этой области открывает целый мир совершенно новых явлений. Он показывает, какой богатый материал дают филологу изображения на античных могилах, и как следует строить филологические исследования, посвящённые всестороннему истолкованию какого-нибудь одного памятника искусства. Через 38 лет такое же, в методическом отношении, исследование даёт Дитерих¹⁶.

Исходя из идеалистической философии, Баховен ищет у древних народов представлений о чувственном и сверхчувственном мирах, о двух полюсах переходящего и вечно-сущего. Он противопоставляет два мира, чувственный и сверхчувственный, миры материи и духа. Оба они, говорит он, находятся в вечном соприкосновении, и для человечества вся загадка бытия заключена в их взаимосвязи, в их пропорции или преобладании одного мира над другим. У древних народов он находит обобщающее представление о двух полюсах переходящего и вечно-сущего. Материя символически представлена в виде женского начала. Женщина – это извечный покой, в противоположность мужскому началу движения. В женщине проявляется консервативная, воспринимающая и оберегающая сила. В ней действует «естественное право», право природы, для которого все люди равны и свободны: *libertas* – закон материальной жизни всех гилоистических богов. Это «закон Афродиты» с его властным стремлением к мужской производящей силе. Рядом с ним возникает и «цереальный закон», закон Деметры-Цереры, Тесмофоры (законодательницы). Понятие о праве вышло из символического понимания женского права, права женского материнства. Женщина есть свободная стихия мировой природы, осново-

положной материи, не знающей неравенства, – матери всего и всех. Это великая сила земли и всего становящегося чувственного.

В материнском праве лежит *jus naturale*. Рядом с ним действует отцовское право, наиболее выраженное в римском понятии власти (*imperium*). В противоположность греческому естественному праву матери, римское отцовское право создаёт политические, социальные идеи семьи, государства, мирового владычества. Оно создаёт *jus civile*; его природа насковозь политична и нематериальна. В политической идее *imperium'a*, говорит Баховен, лежит высшее духовное содержание.

Эти две стихии извечны. Они находятся рядом, обогащая друг друга. Отношением материального к нематерьяльному определяется всё человеческое и религиозное развитие.

Эта связь двух миров раскрывается в символах мистерий и могил. Именно в могильной символике древнейшие взгляды человечества находят последнее и верное убежище. Вот почему изучать, по мнению Баховена, нужно символику могил. Подкрепленные у него огромным материалом античных мифов, религиозных воззрений, поэтических образов, философских мыслей, могильные изображения раскрывают перед ним картину почитания именно женского начала.

Так правильное открытие нового факта реальной человеческой истории оказалось у Баховена результатом неверной теоретической предпосылки. Мы знаем много и таких примеров, и обратных. Они говорят о том, что у некоторых больших умов творческое виденье глубже, чем рассудок.

Почти вся классическая наука конца XIX в. и особенно XX в. опережается гениальными высказываниями Баховена. Его отчасти замалчивали классики, но ещё больше просто не знали и не знают. Ссылки на это чрезвычайно редки. Между тем, он положил начало изучения семантики образа и первый показал, что не только мифы имеют свою смысловую значимость, но и вещи, рисунки, статуэтки, материал, из которого сделана вещь, слова и грамматические формы, социальные институты, религия, украшения, одежда, цветы и краски. Он опередил Узенера на 40 лет¹⁷.

Нет возможности перечислить всё то, что Баховен открыл для науки в своей работе 1859 года. Укажу на важнейшие её места. Так, Баховен открыл круг представлений о матери-земле, имеющие такое первенствующее значение для античных религий; работы Дитериха «Мать-земля»¹⁸ и Альтгейма «*Terra Mater*»¹⁹ предвосхищены Баховеном. Все то, что есть у Дитериха о Баубо²⁰, у Фриза о семантике цирка²¹, у Протта о Матери и дактилях²², у Гаррисон о Фемиде, о священных корзинах и ящиках, и даидадах, о Пандоре²³, – это всё находится и у Баховена. Работы по семан-

тике колеса и круга, радуги, пиляя, пеплоса и мантии, о значении *mundus'a*, о Янусе, о масках, о Мидасе и культе яйца, об окне и мифических ослах, о люстрациях, об именах вещей, о молоке и вине, все эти работы Узенера²⁴ и Гаррисон²⁵, Гирцеля²⁶, Гейзо, Дитериха²⁷, Эйслера²⁸, Дуна²⁹, Сонни³⁰ и многих, многих других должны уступить свой приоритет книге Баховена. Основная мысль Маннгардта³¹, исследования Л. Шредера³², работы по семантике воды-огня³³, многое из исследования Ферле³⁴ и многочисленная последующая литература о смерти, как источнике жизни, восходят к Баховену. Трудно охватить весь круг мыслей этого гениального учёного, всю силу его научного предвидения. С точки зрения классической филологии, эти мысли такая же (говоря словами Энгельса) «настоящая революция» в 1859 г., как в 1861 г. – теория материнского права.

Ошибочность концепции Баховена не столько в мистических высказываниях, сколько в том, что он предполагает в древней образной системе известную предумышленность, а также стройность сюжетов. Его построение не выдерживает сейчас никакой критики. Напротив, остаётся в силе его «антирасовый» метод, предвосхищающий английскую школу антропологии и подготовляющий в нём будущего этнографа.

Если б Баховен характеризовался только идеями в стиле Крейцера, он не мог бы положить начало истории семьи. Самое главное в Баховене – чувство новаторства, смелый и глубокий ум, гениальная исследовательская сила. Придя к теории материнского права через наблюдения над образами о матери-природе, Баховен сумел преодолеть господствовавшие в его время мистические бредни и стать на сторону Моргана с его новыми, подлинно научными, этнографическими методами. «Опыт могильной символики» вышел в 1859 г., а уже в 1861 г. появилось его «Материнское право».

Система идей Баховена ждёт своего исследователя. История наук умеет отличать неправильную терминологию от неправильных идей. Баховен очень выиграл бы, если б многие его «страшные» термины были переведены с языка мистики на язык науки. Так, изучение Баховеном «символики», само по себе, не порочно. В науке XIX в. «символикой» называлось то, что сейчас называется семантологией. Стоит вспомнить гениального русского учёного Потебню, который занимался символикой славянского, русского и украинского народного творчества: его труды остались в русской науке, как одно из величайших достижений, и Потебня не может быть умалён только оттого, что семантика образа называется у него (как и во всей фольклористике и истории религий XIX века) символикой.

Но главная и коренная разница между Баховеном и Крейцером заключается в том, что мистические идеи не мешают Баховену глубоко видеть

явления и производить конкретный анализ многочисленных фактов. Самый метод исследования и интерпретации могильных изображений был очень плодотворен. Он открыл правильный путь для многих позднейших классиков-археологов. Могильные изображения вскрыли богатейший образный материал.

Крейцер так и остался туманно рассуждающим автором мистического трактата. Баховен проявил в своей книге о могильных изображениях такую исследовательскую прозорливость, которая делает его гением фактического анализа.

Научная судьба Баховена изумительна. Он всемирно знаменит, как основатель учения о материнском праве. В то же время его, как классика, трагически замалчивали. Гениальный (по выражению Энгельса) швейцарский учёный, археолог, этнограф, социолог, филолог-классик, специалист по римскому праву до сих пор мало изучен, и только один Энгельс дал ему подлинную оценку.

1947 г.

¹ Почему О. М. Фрейденберг повсеместно (здесь и в мемуарах) пишет «Баховен», а не «Бахофен», я объяснить не могу. Я не исправляю авторскую орфографию, чтобы не исключить возможности такое объяснение найти.

² Имеется в виду июль 1946 года.

³ Домашнее прозвище египтолога и гебраиста, коллеги и единомышленника О. М. Фрейденберг И. И. Франк-Каменецкого (1880-1938). Книга, вероятно, была библиотечная.

⁴ Роза Семеновна Лившиц – сестра гимназической подруги Фрейденберг Елены Лившиц; ее муж Александр Михайлович Розенберг (1900-1955), профессор ЛГУ, историк медиевист.

⁵ *Bernoulli C. A. J. J. Bachofen und das Natursymbol*. Basel, 1924; *Bernoulli C. A. J. J. Bachofen als Religionsforscher*. Leipzig, 1924; *Baeumler A. Bachofen, der Mythologie der Romantik // Der Mythos von Orient und Okzident* / Ed. Manfred Schroeter. Muenchen, 1926; *Schmidt G. J. J. Bachofen Geschichtsphilosophie*. Muenchen, 1929.

⁶ *Kerényi K. Bachofen und die Zukunft des Humanismus*. Zuerich, 1945.

⁷ *Myth, Religion and Mother Right. Selected Writings of J. J. Bachofen*. Preface by George Boas, Introduction by Joseph Campbell.

⁸ Советская этнография. 1946, № 3. Сс. 9-36.

⁹ Очерки по истории древне-римского родства и наследования. СПб, 1885.

¹⁰ Ф. Энгельс называет так Бахофена в статье «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)» // *Льюис Г. Морган*. Древнее общество. Ленинград, 1934. С. XII. Эта статья 1891 г. стала предисловием к четвертому исправленному изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», опубликованному тогда же. В самой работе «Происхождение семьи» Энгельс многократно

упоминает Бахофена, причем исключительно позитивно, не вспоминая даже о мистике, но только о «заслугах» и «правоте» этого ученого.

¹¹ Энгельс Ф. Там же.

¹² Bachofen, Johann Jakob. Versuch ueber die Graebersymbolik der Alten. Basel, 1859.

¹³ Bachofen J. J. Das Mutterrecht. Eine Untersuchung ueber die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religioesen und rechtlichen Natur. Mit 9 Steindruck-Tafeln und einem ausfuhrlichen Sachregister. Stuttgart, Kraus & Hoffmann, 1861.

¹⁴ Creuzer, Georg Friedrich (1771–1858). Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen, von Dr. Friedrich Creuzer. Leipzig und Darmstadt, Heyer und Leske, 1810. 5 v. illus.

¹⁵ Lobeck, Christian August (1781–1860). Aglaophamus; sive... Regimontii Prusorum, sumtibus fratrum Borntraeger, 1829.

¹⁶ Dieterich, Albrecht (1866–1908). Pulcinella; pompejanische Wandbilder und roemische Satyrspiele. Leipzig, B.G. Teubner, 1897.

¹⁷ Usener, Hermann (1834–1905). Die Sintfluthsagen, Untersucht von Hermann Usener; mit fuef Abbildungen und einer Muenztafel. Bonn, F. Cohen, 1899.

¹⁸ Dieterich A. Mutter Erde. Ein Versuch ueber Volksreligion. Lpz. – B., 1905.

¹⁹ Altheim F (1898 – ?). Roemische Religionsgeschichte, I: Terra Mater. Untersuchungen zur altitalischen Religionsgeschichte. Giessen, 1931

²⁰ Dieterich A. Kleine Schriften. 1911. S. 126 ff.

²¹ Fries K. (1867–?). Studien zur Odyssee // Vorderasiatische Gesellschafts Mitteilungen. Jg. 15. № 2-4. B., 1910.

²² Prout H. (1869–1903). Μήτηρ. Bruchstuecke zur griechischen Religionsgeschichte // Archiv fuer Religionswissenschaften. 1906. Bd 9.

²³ Harrison J. E. (1850–1928). Themis: a Study of the Social Origin of Greek Religion, with an Excursus on the Ritual Forms preserved in Greek Tragedy by G. Murray and a Chapter on the Origins of the Olympic Games, by F. M. Cornford. Cambr., 1927; Harrison J. E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambr., 1903; Harrison J. E. Pandora's box // JHS. 1900. Vol. 20.

²⁴ Usener H. Zwillingsbildung // Kleine Schriften. Lpz. – B., 1913. Bd. 4; Idem. Milch und Honig // Kleine Schriften. Lpz. – B., 1913. Bd. 4; Idem. Keraunos // Kleine Schriften. Lpz. – B., 1913. Bd. 4; Idem. Klagen und Lachen // Kleine Schriften. Lpz. – B., 1913. Bd. 4.

²⁵ См. выше, примеч. 21.

²⁶ Hirzel R. (1846–1917). Der Name. Ein Beitrag zu seiner Geschichte im Altertum und besonders bei den Griechen // Abhandlungen der philol.-histor. klasse der kgl. Saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1918. Bd. 36; Die Person: Begriff und Name derselben im Altertum / Rudolf Hirzel and Griechische Kultur-Entstehungslehren / Woldemar Graf, Uxkull-Gyllenband. New York, 1976.

²⁷ Dieterich A. Abraxas; Studien zur Religionsgeschichte des spaeteren Altertums. Lpz., 1891; Nekyia; beitraege zur Erklaerung der neuentdeckten Petrusapokalypse. Lpz., 1893; Idem. Pulcinella. Pompeianische Wanderbilder und roemische Satyrspiele.

Lpz., 1897; Eine Mithrasliturgie. Lpz. – B., 1903; Idem. Mutter Erde. Ein Versuch ueber Volksreligion. Lpz. – B., 1905; Idem. Sommertag // Kleine Schriften. Lpz.-B., 1911.

²⁸ Eisler R. (1882–1949). Weltenmantel und Himmelszelt. Muenchen, 1910. Bd 1–2.

²⁹ Duhn F. (1851–1930). Rot und Tot // Archiv fuer Religionswissenschaften. 1906. Bd. 9; Italische Graeberkunde / Von Friedrich von Duhn. Heidelberg, C. Winter, 1924–V. <1-2>.

³⁰ Sonny A. Rote Farbe im Totenkult // Archiv fuer Religionswissenschaften. 1906. Bd. 9.

³¹ Mannhardt W. (1831–1880). Die Korndaemonen; Beitrag zur germanischen Sittenkunde. B., 1868; Idem. Der Baumkultus der Germanen und ihrer Nachbarstaemme. Mythologische Untersuchungen. Bd 1-2. B., 1875-77; Idem. Antike Wald- und Feldkulte, aus nordeuropaischer Ueberlieferung erlaeutert. B., 1877; Idem. Mythologische Forschungen aus dem Nachlasse. B., 1884.

³² Schroeder L. Bohnenverbot // Wiener Zeitschrift fuer die Kunde des Morgenlandes. 1901. Bd. 15; Idem. Mysterium und Mimus in Rigveda. Lpz., 1908.

³³ См. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 254: «Мотивы, имеющие метафору ситуаций, лягут эпизодами. Таковы, например, сцены суда, распинаний, пробуждений из гроба и комбинации дерева – огня – воды: водные эпизоды (погружения, утопания и выходы их воды), огневые эпизоды (сгорания), эпизоды с деревом (повешения). Это, так сказать, биография Ярилы и майского дерева: дерево бросается в воду, или огонь – в воду, или дерево – в огонь. Как я уже показывала, в таких эпизодах дается, в сущности, картина страстей божества (его оплакивают, хоронят, бросают в воду или в огонь, или вешают; затем оно воскресает – радуются, едят), и в каждой сцене водоборства и огнеборства мы уже имеем элементарные страсти. Но не забудем и того, что всё это не больше как сюжетный монолог или, что то же, форма самобиографии: в каждом таком мотиве или таком эпизоде перед нами чистое удвоение: дерево на дереве, огонь в огне, вода в воде, т. е. смерть и оживание в себе же самом».

³⁴ Fehrle E. (1880–1957). Die Kultische Keuschheit im Altertum. Giessen, 1910; Idem. Zauber und Segen. Jena, E. Diederichs, 1926.